

УДК- 323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-133-139

СИНТЕЗ ГРАЖДАНСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В КОНЦЕПЦИИ ШВЕЙЦАРСКОЙ НАЦИИ

Я. П. Кузнецов

Кузнецов Ярослав Петрович, аспирант кафедры политологии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия.
E-mail: YaPKuznetsov@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-2407-0655).

Аннотация

Рассматривается процесс эволюции концепции швейцарской нации через анализ швейцарской политики нациестроительства. В рамках этносимволистского подхода автор исследует ценностные и символические ресурсы, использованные для конструирования швейцарской национальной идентичности. Особенности политического устройства Швейцарии и разделение общества по религиозному и языковому признаку привели к формированию «добровольной нации» (Willensnation), объединенной общностью политических ценностей и институтов. Но в 1930-е годы произошла трансформация швейцарского национального дискурса, вызванная угрозой со стороны националистической политики Германии и Италии. Швейцарская политика нациестроительства была переориентирована с гражданского национализма на национализм культурный с целью выявления действительных характеристик, демонстрирующих самобытность и единство национального сообщества. Для достижения этой цели политическая и интеллектуальная элита Швейцарии стала активно продвигать среди населения национальную историю, культуру и географию. В результате исследования были выявлены основные элементы швейцарского культурного национализма – альпийский детерминизм и культурное многообразие. Автор приходит к выводу о том, что культурный национализм дополняет концепцию «добровольной нации» и обосновывает национальное единство швейцарского общества, несмотря на его религиозную и языковую гетерогенность.

Ключевые слова: Швейцария; гражданская нация; культурный национализм; нациестроительство; национальная идентичность; политические ценности; языковой плюрализм.

Введение

С точки зрения нациестроительства кейс Швейцарии является исключением из правил, поскольку его нельзя в полной мере объяснить с позиций того или иного подхода к определению наций. Швейцарская нация не укладывается в концепцию примордиализма, поскольку изначально формировалась из нескольких культурно-языковых групп (германоязычной, франкоязычной, италоязычной, ретороманской). По этой причине швейцарский кейс не соответствует и конструктивистской парадигме, согласно которой условием возникновения нации является относительная гомогенность общества в плане языка и культуры, необходимая для выстраивания национальных институтов.

Тем не менее Швейцария рассматривается как образцовый пример гражданской нации, объединенной вокруг политических институтов и ценностей, разделяемых всеми гражданами, а не общности культуры или происхождения. Однако в таком случае опускается роль культурных особенностей в построении швейцарской нации, благодаря которым последняя воспринимается как действительно существующая общность, а не просто «воображаемое сообщество». В связи с этим цель исследования заключается в выявлении роли культурного национализма в трансформации швейцарской национальной идеи в условиях многосоставного общества.

Предпосылки создания швейцарской нации

Построение швейцарской нации связано с патриотическими движениями на территории Старой Конфедерации, зародившимися во второй половине XVIII века. Следует выделить несколько условий, которые актуализировали дискурс формирования нации в Швейцарии в этот период. Именно наложение нескольких факторов сделало возможным появление швейцарского патриотизма.

Во-первых, свою роль сыграли внутренние противоречия Швейцарской конфедерации на протяжении XVIII века, которые носили преимущественно социально-политический характер (Reyeg, 1978: 136). Речь идет о концентрации власти в руках нескольких семей и групп в крупных швейцарских городах (Берне, Цюрихе, Фрибуре, Люцерне), что стало главой причиной недовольства населения Конфедерации. Закрытость швейцарской политической элиты привела к тому, что основу патриотических движений стали составлять молодые образованные выходцы из буржуазии, недовольные устоявшимися конфедеративными институтами.

Во-вторых, на формирование национального дискурса в Швейцарии повлияли когнитивные модели эпохи Просвещения, основанные на рациональности и универсализме. В Швейцарии было достаточно крупных городов, таких как Цюрих, Базель и Женева, что стали центрами распространения идей Просвещения. Ученые, философы и писатели, которые стояли в авангарде швейцарского Просвещения, оказали значительное влияние на образованные круги Конфедерации (Im Hof, 1986: 494).

В-третьих, сформировавшаяся в предыдущие столетия этносимволистская память была по всеместно распространена в швейцарском обществе. В ее основу легли два национальных мифа Швейцарии: Миф об основании Швейцарского союза в 1291 году (дата рождения нации) и Легенда о Вильгельме Телле (национальном герое-освободителе). Распространение среди населения этих мифов, записанных в литературных произведениях и исторических хрониках, стало возможным ввиду высокого уровня грамотности швейцарцев: еще с начала XVIII века большинство жителей Конфедерации имели доступ к многочисленным газетным изданиям, философской и научной литературе. Во многих регионах Конфедерации сформировались литературные общества и книжные клубы, которые носили внесословный характер (Wimmer, 2011: 725). В итоге эти мифы стали частью мировоззрения образованных швейцарцев, а также обладали значительной степенью народного резонанса. Вкупе с универсализмом Просвещения этносимволистская память обусловила стремление к гражданской реформе с целью построения национального сообщества.

Умеренные швейцарские патриоты учредили в 1762 году Гельветическое общество, которое просуществовало до учреждения Гельветической республики в 1798 году. Концепция швейцарской нации реформаторов основывалась на нескольких ключевых положениях:

- нация как сбалансированный синтез культурно-исторических и гражданских элементов;
- формирование нации как попытка одновременно заменить и гарантировать лояльность и привязанность на субнациональном уровне (региональном / кантональном);
- формирование нации – это постепенный процесс, а не радикальный или революционный акт.

Однако швейцарское патриотическое движение оказалось не в состоянии повлиять на изменение институтов Конфедерации, что было сделано только в результате Гельветической революции 1798 года. Тем не менее национальный проект Гельветического общества задал необходимые рамки для последующего конструирования швейцарской национальной идентичности и создания национального государства.

Швейцария как гражданская нация

В сентябре 1848 года после непродолжительной гражданской войны между сторонниками и противниками преобразования Швейцарии в единое государство по результатам референдума была принятая новая конституция. Согласно конституциальному проекту, страна провозглашалась федерацией из 25 кантонов с общенациональным правительством, которому передавали часть своего суверенитета субъекты федерации. Учреждался двухпалатный парламент (Федеральное собрание) по американскому образцу, выполняющий функции представительства как всего швейцарского народа, так и всех кантонов. Последние наделялись равными правами вне зависимости от религиозных и лингвистических границ. Помимо новой системы политического представительства, основные нововведения касались введения гражданских и экономических прав для всех швейцарцев: вводилось единное гражданство, гарантировались политическая свобода и равенство швейцарцев перед законом¹. Положения Конституции фактически отражали преобладающее в швейцарском обществе гражданское понимание нации, поскольку национальность фактически приравнивалась к гражданству.

¹ Federal Swiss Constitution of 1848 [online], *The Federal Assembly – The Swiss Parliament*. Available at: <https://www.parlement.ch/en/über-das-parlament/how-does-the-swiss-parliament-work/Rules-governing-parliamentary-procedures/federal-constitution/federal-constitution-1848> (accessed at: 10.04.2025).

Со вступлением в силу Конституции 1848 года мы можем говорить о становлении швейцарского национального государства. Именно благодаря появлению институциональной системы, включающей в себя единое политическое, экономическое и правовое пространство, стало возможным распространение концепции швейцарской нации, изначально зародившейся в узком кругу интеллектуальной элиты, на все население федерации. «Национализация» повестки национальной идентичности стала возможной в рамках дальнейшей эволюции институциональной системы Швейцарии. В результате пересмотра Конституции 1874 года расширились полномочия федеральных властей, которые отныне могли оказывать влияние на курс социальной и промышленной политики, стандартизировать гражданское право в кантонах и влиять на систему государственного образования, которое стало обязательным, бесплатным и светским (Riklin, 1983: 140–141). Иными словами, у государства появились инструменты укрепления и популяризации национальной идентичности.

Однако, несмотря на расширение полномочий, федеральные власти при осуществлении политики идентичности не могли не учитывать интересы кантона, обладающих широкими полномочиями. В этих условиях для установления диалога между центральными и кантональными властями, а также гражданским обществом стал применяться принцип консенсуса с целью разрешения противоречий по вопросу в сфере национальной идентичности. Наглядным примером служит предыстория Национального фестиваля 1891 года, организованного в честь 600-летия основания Швейцарской Конфедерации. Целями учреждения Национального фестиваля являлись повышение привлекательности национальной идеи как таковой и создание когнитивных рамок, задающих основные категории швейцарской национальной идентичности в массовом сознании. Кроме того, праздник федерального масштаба должен был способствовать «размыванию» религиозных и кантональных границ между швейцарцами через культивирование символов и ценностей, разделемых всеми гражданами.

Предварительное решение провести празднование основания Швейцарской Конфедерации в фактической столице Берне было раскритиковано в швейцарских газетах, поскольку город не имел отношения к Соглашению 1291 года между тремя «изначальными» кантонами (Швиц, Ури, Унтервальден). За этим последовало обращение властей кантона Швиц в Федеральный совет, которые запросили его разрешения по поводу возможности проведения запланированного фестиваля в городе Швиц. Основным аргументом было то, что именно Швиц является местом, «где Конфедерация была завоевана, согласована и впоследствии закреплена» (Kreis, 1991: 52). В итоге комиссия, состоящая из представителей Швица, Ури, Унтервальдена и Федерального совета, вынесла решение о том, что Швиц станет местом проведения фестиваля. Учреждение в 1891 году Национального фестиваля в качестве ежегодного национального мероприятия придало швейцарской идентичности массовый и инклюзивный характер. С этого момента Швейцария стала «массовой нацией», которая, согласно Э. Смиту, объединяет все слои населения в суверенную общность (Smith, 1995: 54).

В результате создания единого государства и распространения национальной идентичности на все население можно говорить о становлении швейцарской нации. Ввиду культурного многообразия и особенностей политического развития Швейцария оформилась как политическая нация или «нация граждан» (Staatsbürgernation), нежели как этническая нация (Volksnation) (Lepsius, 1990: 232). Относительно именно швейцарской нации стал использоваться термин «добровольная нация» (Willensnation), характеризующий ее как результат коллективной воли к формированию национального сообщества.

Одним из основных идеологов гражданской концепции был швейцарский профессор права и юрист из Бемеза К. Хилти. Еще в 1875 году он обозначил Швейцарию как идеальную гражданскую нацию: «Не раса или этническая общность, не общий язык и обычаи, не природа и история основали Швейцарскую Конфедерацию... То, что отличает Швейцарию от ее соседей, – это идеал, приверженность к государству, которое во многих отношениях представляет собой более цивилизованное сообщество; чья национальная идентичность гораздо выше простой общности крови и языка» (Hilty, 1875: 29).

При этом важно отметить, что гражданская трактовка швейцарской нации не ограничивалась только политическими ценностями. Значимые исторические события, такие как Клятва 1291 года, Революция 1798 года и принятие Конституции 1848 года стали основными источниками тех политических ценностей и институтов, к которым в той или иной мере причастны все граждане Швейцарии. История в данном ключе служит не доказательством «древности» нации, а преподносит конкретные исторические события и личностей как образцы для подражания. Таким образом, к концу XIX века швейцарская нация оформилась как нация гражданская, объединенная политическими ценностями и институтами, нежели происхождением и культурой.

Влияние культурного национализма на концепцию швейцарской нации

Однако в первой половине XX века концепция швейцарской нации претерпела трансформацию под воздействием внешних факторов. Речь идет о распространении этнического национализма в соседних Германии и Италии в 1930-е годы. В частности, немецкий «национализм родины» строился вокруг стремления отстаивать интересы «родственников по нации» в других государствах (Brubaker, 1996: 5). Таким образом, нацистская Германия стала претендовать на статус Отечества в том числе и для немецкоязычных швейцарцев, что несло прямую угрозу гражданской концепции швейцарской нации.

Проблема заключалась в том, что политические ценности и институты, а также ссылки на мифическое прошлое и исторические события не давали представления о швейцарской нации как о действительно существующем сообществе. В частности, для жителей франкоязычной Швейцарии первой половины XX века проблема национальности представляла собой «вопрос ума и воли, чем материальную реальность» (Amstutz, 1996: 1). В связи с этим в Швейцарии стала набирать популярность «органическая» трактовка нации как социального целого, развивающегося в соответствии с законами естественного роста как «сообщество существ» (*Wesensgemeinschaft*) (Schaff, 1882: 483). Данная концепция восходила к христианскому пониманию человеческого сообщества и потому была распространена среди швейцарских католиков-консерваторов. Для этой трактовки основными ресурсами нациестроительства являются не политические институты и ценности Швейцарии, а ее история, культура и география. Именно особенности ландшафта могли быть использованы для «натурализации» нации, и в случае Швейцарии такой отличительной местностью закономерно стали Альпийские горы.

Если изначально идея об Альпах как об источнике швейцарской самобытности была предметом дискурса узкого круга интеллектуалов, то с последней четверти XIX века она распространялась на широкие слои населения и стала частью швейцарского мифосимволического комплекса. Постепенной популяризации альпийского мифа способствовали в первую очередь СМИ, а именно газетные издания. С начала XX века альпийский миф стал одной из главных тем либеральных и консервативных газет по всей стране (Merki, 1995: 67). В публикуемых памфлетах Альпы фигурировали как один из наиболее часто упоминаемых символов национальной идентичности и единства. В качестве примера можно привести номер газетного издания из Цюриха за октябрь 1935 года: «Под швейцарством мы понимаем определенное наследие духовных и физических черт, которые мы находим у людей в целом между Альпами и Юрай на протяжении столетий нашей истории. <...> Мы являемся единственным типично альпийским государством в Европе. <...> Альпы – наша настоящая сила, поскольку именно в альпийском человеке мы находим нашу общую почву» (Imhof, Kleger, Romano, 1996: 100).

Кроме того, альпийский миф постепенно был имплементирован в систему образования путем включения в учебники по истории для среднего образования по всей стране (Im Hof, 1991: 158–159). Педагогическое сообщество активно способствовало распространению образа Альп в качестве национального символа ввиду патриотических настроений среди интеллигенции. Так, еще в 1884 году педагог Я. Кристингер в своей заключительной речи на Национальной конференции учителей в Базеле обозначил основные черты швейцарской нации: «Мы все смотрим на одни горы, оглядываемся на одних героических личностей в нашей истории, наслаждаемся одними народными песнями и гордимся одними правами и свободами» (Helbling, 1994: 160).

Альпийский миф стал частью не гражданского, но культурного понимания швейцарской нации. Именно произведения швейцарской литературы, живописи, драматургии стали действительными выражениями национальной идеи. Реакцией на немецкий этнический национализм стал культурный национализм швейцарцев. При этом важно отметить, что распространение культурного национализма не привело к замене гражданской трактовки швейцарской нации на трактовку органическую. Вместо этого произошло слияние нарративов *Willensnation* и *Wesensgemeinschaft*. Примечательно, что продвижением культурного единства Швейцарии стали заниматься организации и социальные группы, ранее тяготевшие к гражданской концепции нации. Такие исследователи, как А. Маттиоли, приводят в качестве внутреннего фактора роста швейцарских патриотических настроений в 1930-е годы рост политического влияния христианских консерваторов (Mattioli, 1995: 18). Однако национальный дискурс был во многом популяризован именно сторонниками гражданской концепции

нации из числа умеренных либералов и левых. Так, либеральная организация «Новое Гельветическое сообщество» вместе с Ассоциацией швейцарских учителей, Ассоциацией швейцарских писателей и несколькими либеральными и леволиберальными изданиями (*Neue Zürcher Zeitung*, *Die Nation*) с 1935 по 1937 год отправляли несколько народных инициатив в парламент в поддержку введения общей культурной политики.

В контексте культурного национализма языковое многообразие Швейцарии стало позиционироваться не как фактор разобщенности общества, а как национальная особенность. В то время как немецкий, французский и итальянский языки имели статус национальных, язык романшней (четвертой языковой группы Швейцарии примерно в 20 тыс. человек) официально не упоминался в Конституции. Вопрос о статусе ретороманского языка стал актуальным в связи с ирредентистскими заявлениями со стороны фашистского режима Муссолини об объединении всех романских народов (к которым относятся и франко-, и италошвейцарцы, а также ретороманцы) в рамках итальянского государства (Valär, 2013: 265). На этом фоне правительство Граубюнденса, единственного кантона, в котором был распространен ретороманский язык, в 1937 году подало заявление в Федеральный совет о признании ретороманского языка четвертым национальным языком Швейцарии. Законопроект был одобрен парламентом единогласно и вынесен на референдум в 1938 году. Подготовка к голосованию проходила под лозунгом интеллектуальной защиты Швейцарии от этнического национализма соседних стран (Schoch, 2000: 4). Конституционная поправка была принята подавляющим большинством голосов, и ретороманский получил статус национального языка.

Помимо закрепления многоязычия, выражением культурного национализма в Швейцарии стала Национальная выставка в Цюрихе в 1939 году, организованная при финансовой поддержке Федерального совета (Linsmayer, 1990: 455–456). В отличие от предыдущих подобных мероприятий, она имела ярко выраженную патриотическую тематику. Экспонаты представляли собой достижения науки и искусства, привезенные со всей страны, со всех кантонов. Иными словами, значение выставки заключалось в ее «символической плотности», т.е. в способности наглядно продемонстрировать швейцарскую нацию в политическом, культурном, историческом и географическом измерениях. В качестве массового ритуала для нации выставка способствовала трансформации швейцарского патриотизма из абстрактного понятия в инклюзивную социальную практику, демонстрирующую национальное единство многосоставного общества.

Заключение

В условиях разделения швейцарцев по признаку языка и религии гражданский подход к построению нации казался наиболее очевидным вариантом для акторов нациестроительства, что вылилось в концепцию «добровольной нации», объединенной общностью политических ценностей, разделяемых всеми гражданами. Однако влияние этнического национализма, ставшего угрозой национальному единству швейцарцев в 1930-е годы, обусловило необходимость более веских причин существования швейцарской нации, нежели наличие государства и общих ценностей. В условиях угрозы со стороны немецкого «национализма родины» и этнолингвистического итальянского национализма определение Швейцарии как «добровольной нации» было недостаточным для отстаивания своей национальной идентичности. Иными словами, швейцарцам требовалось доказать, что их нация – это не просто социальный конструкт, но естественное сообщество, определяемое историей, культурой и географией.

Решением стал не этнический, но культурный национализм, не противоречащий национализму гражданскому. К концепции «добровольной нации» были добавлены «органические» компоненты национализма, завязанные на общности культуры и географии всех жителей Швейцарии. К абстрактным элементам швейцарской нации (политическим мифам и ценностям) добавились конкретные произведения швейцарской культуры, а также альпийский детерминизм, выражающие уникальный национальный характер швейцарцев. Таким образом, Швейцария не является примером чисто гражданской нации и носит в себе органические элементы в виде общности культуры и географии, необходимые для натурализации национальной идеи.

Сочетание в концепции швейцарской нации культурного национализма и культурного многообразия, на первый взгляд, кажется парадоксальным. Однако именно синтез этих двух позиций помог обосновать ее реальную, а не воображаемую природу. Культурное многообразие швейцарского об-

щества стало интерпретироваться как отличительная черта национального сообщества. Швейцарский культурный национализм декларирует, что страна состоит из множества самобытных культур (неманоязычной, франкоязычной, италоязычной и ретороманской), потому и национальная культура в целом самобытна, уникальна и действительна. Культурное разнообразие стало тем самым идентификатором, с помощью которого швейцарцы стали осознавать, кто есть «мы» и чем мы отличаемся от «них». А ввиду того, что эта особенность, выраженная в первую очередь в языковом многообразии, наблюдается на регулярной основе, не возникает сомнений в реальности швейцарской самобытности и швейцарской нации, что ее воплощает. В итоге именно культурное многообразие швейцарского общества исключает сугубо гражданский характер нации, поскольку предполагает не только приверженность политическим ценностям, но и принадлежность к особой культуре этого альпийского государства.

Список литературы / References

- Amstutz, H. (1996) *Das Verhältnis zwischen deutscher und französischer Schweiz in den Jahren 1930–1945*. Aarau: Verlag Sauerländer.
- Brubaker, R. (1996) *Nationalism Reframed. Nationhood and the national question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
DOI: 10.1017/CBO9780511558764.
- Helbling, B. (1994) *Eine Schweiz für die Schule. Nationale Identität und kulturelle Vielfalt in den Schweizer Lesebüchern seit 1900*. Zurich: Chronos.
- Hilty, C. (1875) *Vorlesungen über die Politik der Eidgenossenschaft*. Bern: Max Fiala's Buch- und Kunsthändlung.
- Im Hof, U. (1986) *Geschichte der Schweiz und der Schweizer*. Helbing & Lichtenhahn.
- Im Hof, U. (1991) *Mythos Schweiz*. Zurich: Verlag Neue Zürcher Zeitung.
- Imhof, K., Kleger, H., Romano, G. (1996) *Konkordanz und Kalter Krieg. Analyse von Medienereignissen in der Schweiz der Zwischen- und Nachkriegszeit*. Zurich: Seismo.
- Kreis, G. (1991) *Der Mythos von 1291. Zur Entstehung des schweizerischen Nationalfeiertages*. Basel: Friedrich Reinhardt Verlag.
- Lepsius, R. M. (1990) *Interessen, Ideen und Institutionen*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
DOI: 10.1007/978-3-322-94352-1.
- Linsmayer C. (1990) *Frühling in der Gegenwart. Der Schweizer Roman 1890–1950*. Zurich: Buchclub Ex Libris.
- Mattioli, A. (1995) *Intellektuelle von Rechts. Ideologie und Politik in der Schweiz 1918–1939*. Zurich: Orell Füssli Verlag.
- Merki, C. (1995) *Und wieder lodern die Hohenfeuer. Die Schweizerische Bundesfeier als Hoch-Zeit der nationalen Ideologie*. Zurich: Chronos.
- Peyer, H. (1978) *Verfassungsgeschichte der alten Schweiz*. Zurich: Schulthess Polygraphischer Verlag.
- Riklin, A. (1983) *Handbuch Politisches System der Schweiz*. Bern: Haupt Verlag.
- Schaff, A. (1882) *History of the Christian Church, Volume I: Apostolic Christianity. A.D. 1–100*. New York: Charles Scribner's Sons.
- Schoch, B. (2000) *Switzerland – A Model for Solving Nationality Conflicts?* Frankfurt: Peace Research Institute.
- Smith, A. (1995) *Nations and Nationalism in a Global Era*. Cambridge: Polity Press.
- Valär, R. (2013) *Weder Italiener noch Deutsche! Die rätoromanische Heimatbewegung, 1863–1938*. Baden: Hier + Jetzt.
- Wimmer, A. (2011) ‘A Swiss anomaly? A relational account of national boundary-making’, *Nations and Nationalism*, 17(4), pp. 718–737. DOI: 10.1111/j.1469-8129.2011.00517.x.

Статья поступила в редакцию: 23.04.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

THE SYNTHESIS OF CIVIC AND CULTURAL NATIONALISM IN THE CONCEPT OF THE SWISS NATION

Y. Kuznetsov

*Yaroslav Kuznetsov, PhD Student of the Department of Political Science,
Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia.*

E-mail: YaPKuznetsov@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-2407-0655).

Abstract

The article delves into the evolution of the concept of the Swiss nation through an analysis of the Swiss policy of nation-building. Within the framework of the ethno-symbolic approach, the author examines the value and symbolic resources used to construct the Swiss national identity. The peculiarities of the political structure of Switzerland and the division of society along religious and linguistic lines led to the formation of a "voluntary nation" (Willensnation), united by its political values and institutions. However, in the 1930s, the Swiss national discourse was transformed by the threat from the nationalist policies of Germany and Italy. The Swiss policy of nation-building was reoriented from civic nationalism to cultural nationalism to identify the real characteristics demonstrating the identity and unity of the national community. To achieve this goal, Switzerland's political and intellectual elite began to actively promote national history, culture, and geography among the population. As a result of the study, the main elements of Swiss cultural nationalism are identified: Alpine determinism and cultural diversity. The author concludes that cultural nationalism complements the concept of a "voluntary nation" and justifies the national unity of Swiss society, despite its religious and linguistic heterogeneity.

Keywords: Switzerland; civic nation; cultural nationalism; nation-building; national identity; political values; linguistic pluralism.